

Анна Сумеркина

Наблюдатель

Анна Сумеркина

Наблюдатель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22366347

ISBN 9785448354977

Аннотация

Я собиратель снов, осмысленных и древних, Пронзительно звенящ мой голос из миров. Я тку свою канву из мыслей повседневных, Из жемчугов и грез, отверженных даров. Из бархата луны в прелюдии заката, Из розовых лучей сквозь пену облаков. Я твой неожиданный гость, ты знал меня когда-то, Я эхо тонких струн с далеких берегов.

Содержание

Офелия	6
Nigredo	8
«Снова дышит весной пробудившийся город...»	10
«На краю земли гуляют ветры...»	11
Апрель	12
«Я растаяла, как сахар...»	13
«По цепочке из неверных решений...»	14
Белое	15
«Я собиратель снов, осмысленных и древних...»	16
«Что-то сломалось в придуманном мире...»	17
Унесенные ветром	18
Наполовину	20
И больше ничего...	22
«Рассыпается август искрами...»	23
Волчица	24
«Алые с золотом птицы закатные...»	25
«Расплескались моря небесные...»	26
«Снегами забвенья, в жару или стужу...»	27
Химера	28
«Вероломство – плохая наука...»	29
«Попытайся понять непонятное...»	30
«Смех солнца – горящая птица...»	31
«Утро сквозь прорезь век...»	32

«Ночь, раздвигая рамки, ставит свои отметки...»	33
На восход	34
«Листопадом рассыпалась осень...»	35
Гроза	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наблюдатель

Анна Сумеркина

© Анна Сумеркина, 2016

© Сергей Потемкин, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-5497-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Офелия

Шаг как огонь в безвоздушном пространстве,
Капля воды над песками пустыни.
Ночь завывает мотивы шаманства,
Все, что пылало, —
остынет, застынет.

Стынут дороги в изломах печали.
Ивы, склоняясь, теряют надежды,
Ветер тихонько на крыльях качает
Смятую память —
так нежно, так нежно.

Брошена рута к подножью кумира,
Треснуло солнце под слоем из грима,
Яркая лента на шляпе факира.
Все, что сияло, —
лишь мнимо, лишь мнимо.

Красной землей озаряюсь в рассветы,
Крашу луной полутемные лужи,
Профиль мой соткан из легкого света,
Сердце стучится —
все тише и глуше.

Хрупкость березы в изогнутых ветках,
Низко согнулась до самого поля,
Листья изрезаны тонкой виньеткой.
Щедрая доля —
свободная воля.

Белые звезды в соцветиях веры,
Образов, мыслей, иллюзий, мечтаний...
Неумолимы, как путь Агасфера:
Вечная жизнь —
и скитанье, молчанье.

Смоют дожди кровь с осоки и сердца,
Водные впадины, дух мой безмолвный.
Огненной лавой уже не согреться,
Боль – это волны,
холодные волны.

Nigredo

Уничтожая внутри человечность,
Превозмогая словесную сушь,
Трупами стелется путь в бесконечность,
В травматологию выжженных душ.
В кровоподтеках обмякшее небо,
Гнойным нарывом набухла луна.
И выжигает на коже Nigredo
Сгинувших в мире вещей имена.
Война...

Сдираю иллюзии, вместе с кожей,
Всю матрицу ценностей уничтожив.
Свинцовая общность в людском потоке,
С рассветом расплавится на востоке.

Черные дыры, сожравшие звезды,
Необратимый, тотальный ****ец.
Тягостный, долгий отход от наркоза,
В реанимации спящих сердец.
В клочья растерзаны детские грезы,
Хрустом костей взорвалась тишина.
Боль, прорастая тяжелым некрозом,
Тянет магнитом добраться до дна.
Война...

Сдираю иллюзии, вместе с кожей,
Всю матрицу ценностей уничтожив.
Свинцовая общность в людском потоке,
С рассветом расплавится на востоке.

«Снова дышит весной пробудившийся город...»

Снова дышит весной пробудившийся город,
Отчего же на сердце щемящий минор.
Словно острый, врожденный, пронзительный голод,
Воспаленную душу берет на измор.

Не пьянят даже солнца лимонные брызги,
И пронизанных светом ручьев янтари.
Так тоска по другой, мне приснившейся жизни,
Словно рак пожирает меня изнутри.

Где-то рядом мой дом, за прозрачным эфиром,
Расстоянье в ладонь, но по хрупкому льду.
Там, раскидистый плющ окружил кашемиром,
Голубую беседку в цветущем саду.

Где живое вино в безыскусном бокале,
И в глазах у тебя серебрится вода.
Там есть три стороны, у кружочка медали
И шагнуть за абрис не составит труда.

«На краю земли гуляют ветры...»

На краю земли гуляют ветры,
И шумит высокая трава,
Здесь на много тысяч километров,
Расцвели ромашек кружева.

Облаков пушистые перины,
В золотистой солнца пелене,
И деревья, точно балерины,
Так изящно кланяются мне.

Вот почуяв ветер и раздолье,
Поднимая пыль столбом и шум,
В небеса, во весь опор, по полю,
Диких лошадей летит табун.

Над рекою встрепенулись ивы,
И спешат исчезнуть корабли,
Я стою на краешке обрыва,
И я вижу радугу вдали.

Апрель

Все встанет на места и солнце всех рассудит.
Изъедены снега черненым серебром.
Ослабшая зима, корежится в простуде,
И отступает в лес, со сломанным ребром.

Еще один февраль, не уступая марту,
Язвительный и злой, потребует реванш.
С усмешкою апрель, перетасует карты
Уверенной рукой и вытянет карт-бланш.

«Я растаяла, как сахар...»

Я растаяла, как сахар,
И пролилась сладкой водой,
На чьи-то жаждущие губы.

Я взлетела птицей,
И упала камнем,
В соленый океан слез.

Я была волной
И разбилась
О чей-то замысловатый рельеф лица.

«По цепочке из неверных решений...»

По цепочке из неверных решений
Бесконечное скольжение по кругу.
Сквозь нечеткую игру отражений
Наши черти улыбнулись друг другу.

За иллюзией вещей несомненных
Время сжалось, оказалось мгновеньем.
Мы из разных параллельных вселенных,
Невозможное соприкосновенье.

Все что было выцветает багрянцем,
Безвозвратность, ветхий ящик Пандоры.
Дети солнца, увлеченные танцем,
Позабывшие про точку опоры.

Осень мира, ось вращения столетий,
Бой без правил и игра вне закона.
Мы врываемся в страну междометий,
Мы меняем на знаменья знамена.

Белое

То ли облако перьев кружится,
То ли бабочек белая масть,
Первым снегом, как чистой страницей,
Застилается черная грязь.

Снова холод до боли знакомый,
Поселился в самой глубине,
Превращая тоску по живому,
В тонкий лед на замерзшем окне.

Белый танец. Покой и безбрежность.
Но под слоем стальной мерзлоты,
Белых лилий цветущая свежесть —
Воплощенный триумф чистоты.

«Я собиратель снов, осмысленных и древних...»

Я собиратель снов, осмысленных и древних,
Пронзительно звенящ мой голос из миров.
Я тку свою канву, из мыслей повседневных,
Из жемчугов и грез, отверженных даров.
Из бархата луны, в прелюдии заката,
Из розовых лучей, сквозь пену облаков.
Я твой нежданный гость, ты знал меня когда-то,
Я эхо тонких струн, с далеких берегов.

«Что-то сломалось в придуманном мире...»

Что-то сломалось в придуманном мире,
Розы засохли и камни остыли.

Пепельной дымкой покрылась равнина,
Призрачный город сложился в руины.

Песни умолкли, цвета полиняли.
Белые крылья помятыми стали.

Ровным дыханьем окутано сердце,
Снегом и льдом невозможно согреться.

Все здесь пронизано магией тленья,
Запахом дна и тоской разложения.

Карточный домик развеяла вьюга,
Мы, словно тени, прошли сквозь друг друга.

Унесенные ветром

По слогам читаю взгляд незнакомый,
Словно рукопись старинного тома,
И мерцают ослепительным светом
Две кометы, унесенные ветром.
Тонких нитей золотых осторожность —
Электрическим разрядом по коже.
И февраль в душе растопят рассветом
Песни солнца, унесенные ветром.

Унесенные ветром по лунному свету
Мы вернемся, когда возвратится любовь насовсем.
Унесенные ветром, возвращаются в лето
Возвращаются все... возвращаются все...

Канет в Лету мимолетная искра,
Мы с тобой так далеко и так близко.
Тихий голос нежно шепчет вельветом
Заклинанья, унесенные ветром.
И когда-нибудь закроются веки,
Остановят бег застывшие реки.
Снова станут нулевым километром,
Поцелуи, унесенные ветром.

Унесенные ветром по лунному свету

Мы вернемся, когда возвратится любовь насовсем.
Унесенные ветром, возвращаются в лето
Возвращаются все... возвращаются все...

Наполовину

Скольженье по лезвию ночи,
Весь мир – это мир двоеточий,
И день все бледней и короче,
Как будто его кто-то точит.

Мой шелк обращен в мешковину,
А следствие стало причиной.
Все костно-безлико-рутинно.
Как жизнь? – Только наполовину.

Отраженья зеркал в темноте глубоки.
Я строка. Продолжение чьей-то руки,
В века.

Черным камушком сна, опускаюсь на дно,
Где вода, превращаясь в густое вино,
Сладка.

Где качает луну зазеркальная гладь,
И подводные камни, зовут меня спать,

Манят.

Там, сквозь воды времен, тихий говор волны,
И пронзительно сини зрачки глубины
Блестят.

И больше ничего...

Неяркий свет и терпкий запах ели,
Цветных огней ночное волшебство.
Вспоминанья словно карусели,
Кружится мир, – и больше ничего.

Среди чужих, поломанных игрушек,
Слои времен и тлена торжество,
Иллюзии как россыпи ракушек,
В них моря шум, – и больше ничего.

Надежды запоздавшее посланье,
Мой черствый хлеб – вдовство и шутовство.
И музыки шаманское камланье,
Обычный звук, – и больше ничего.

Зола и пыль в нетопленном камине,
И с тишиной слиянье и родство,
И день закрыт на долгом карантине,
Лишь я и ночь – и рядом никого.

«Рассыпается август искрами...»

Рассыпается август искрами,
Стайкой бабочек сердце брызнуло,
Черным кружевом ночи высекло
Бесконечные звезды-выстрелы.

В ночь вонзаюсь шагами быстрыми,
Смотрит небо зрачками мглистыми.
Серебристыми чувство-мыслями,
Бродит в венах вино игристое.

Воздух ожил, забился листьями,
Гладит кожу рябина кистями,
Жарких бусин печаль ветвистая,
На груди моей солнце выстлала.

Волчица

В неизбежность – звериной ловкостью,
Как дыхание, горяча,
Поднималась с упругой легкостью,
В темень страха – копьем луча.

Грозной поступью над погостами,
Как пружина крутой рывок!
И впивалась клыками острыми,
В соль древнейшей из всех дорог.

Пряный запах земли и сырости,
Горьких ягод пьянящий вкус.
Прочь! От душной людской постылости!
Прочь сомнений нещадный груз.

Взрезать сполохи волчьей песнею!
Взгляд острее, чем сталь клинка.
Вместо сердца меж ребер – лезвие,
Вместо логова – облака.

«Алые с золотом птицы закатные...»

Алые с золотом птицы закатные,
Грудь мне пробили тоской необъятною,
В косы вплели мне светила небесные,
Чтоб не была ни женой, ни невестой я.

В душу вселили напевы нездешние,
Чтоб не спалось мне ночами кромешными,
Очи прожгли мне углями древесными,
Чтобы смотрелось в меня неизвестное.

В губы вложили шальные, пьянящие
Хмельные травы, с луной говорящие,
Сердце пронзили лучами слепящими,
Чтобы узрела в себе настоящее.

Что же вы, птицы, со мною наделали?
Рвусь в невесомость из белого тела я,
Кожа звенит от тяжелого бремени:
Только не время мне... Только не время мне...

«Расплескались моря небесные...»

Расплескались моря небесные
И влечет меня неизвестное,
Там где тучи плывут невестами
И сливаются сон и явь.
Я тебя позову по имени,
Что всего на земле любимее,
И просторы бескрайно-синие
Повторят его просияв.
Корабли покидают гавани,
Паруса распустившись павами,
Поплывут лебедями плавными
В поднебесье из васильков.
Высоко, в голубой безбрежности,
Окружу тебя безмятежностью,
Я пишу тебе письма нежностью
На пергаменте облаков.

«Снегами забвенья, в жару или стужу...»

Снегами забвенья, в жару или стужу,
Белела дорога к порогу спеша.
И струйками дыма, из тела наружу,
К зеленому небу тянулась душа.

В багровый закат, погружаясь навеки,
Смеялись ладони, и плакала смерть,
Сомкнутые солнцем недвижные веки,
Прозрачные руки струились сквозь твердь.

Химера

Угол страха. Я вхожу в твою душу.
Грань. Глоток. Строй эмоций нарушен.
Звон стекла, иллюзорные двери.
Я вошла, и посыпались перья.
Я вошла. Ты остался за дверью.
Маска, плетка, вселенная в клетке.
Слово, ветер, память – тонкая сетка.
Гром, удар, вечность в синем стакане.
Бритва, стон, целый мир на аркане.
Сны, восторг, цепь забытых мечтаний.
Труп, любовь, запах поздних раскаяний.
Рамки, стоп, земляная поверхность.
Красный свет: впереди неизвестность.
Дым, угли, подсознание в коробке.
Смерть, печаль – тускло-желтая кнопка.
Хищник, боль, только крылья и кости.
Холод, дом, полный грязи и злости.
Нить, кирпич, в небо шарик стремится.
Слезы, гроб, сбита синяя птица.
Стол, свеча, еле теплится вера.
Кровь, покой, сыто дремлет химера.

«Вероломство – плохая наука...»

Вероломство – плохая наука:
Возвращает с процентом долги.
Для тебя – жизнь веселая штука:
Страсть, азарт и с любовью торги.

Сухоцвет в филигранном сосуде.
У причала гудят тебе вслед
Бригантины изломанных судеб
И фрегаты бесславных побед.

Ты устанешь от вечных скитаний,
Но клеймом за тобою кортеж:
Галереи пустых обещаний
И музеи разбитых надежд.

«Попытайся понять непонятное...»

Попытайся понять непонятное,
Попытайся объять необъятное,
Попытайся увидеть незримое,
Раздели пополам неделимое.

Попытайся свершить невозможное,
Отодвинь все кривое и ложное,
Попытайся любить нелюбимое,
Обогрей теплотой нелюдимое.

Попытайся открыть позабытое,
Собери все осколки разбитого,
Попытайся сказать промолчавшее,
Подними солнце с неба упавшее...

Между этим и тем
Попытайся стать всем.

«Смех солнца – горящая птица...»

Смех солнца – горящая птица,
Танцующая по волнам.
Я – ветер, плюющий в глазницы
Земельным богам.

Цветущая магия леса,
Осенняя музыка губ,
Я – ночь, заводящая песню
Ликующих труб.

Скольженье по самому краю
Манящих трясин и болот,
Я черною птицей растаю
У белых ворот.

Безумные пальцы пожара,
Любовное таинство снов.
Я стану седеющим паром
Непонятых слов.

«Утро сквозь прорезь век...»

Утро сквозь прорезь век
Смотрит.
Плавный печальный снег
В окнах.
Время, накрывшись сном,
Дремлет.
Стены немой тоске
Внемлют.

«Ночь, раздвигая рамки, ставит свои отметки...»

Ночь, раздвигая рамки, ставит свои отметки,
Перестает быть воля хрупкой марионеткой.

Пусть неточны сюжеты и сновиденья редки,
Кровь говорит с тобою голосом древних предков.

Мысли глухи, как камни, разум заточен в клетке.
Бог говорит с тобою ветром в кленовых ветках.

На восход

Мне причудилось – колокольный звон
Как тревожный пульс над моей землей.
Я сожгу мосты, позабыв свой дом,
Для того чтоб стать для тебя звездой.

Для того чтоб пить с побледневших губ
Золотой отвар полевых цветов,
Для того чтоб вдруг разомкнулся круг —
Беспокойный сон под пластом веков.

Мы стоим вдвоем у резных ворот,
Есть ключи в руках, чтоб открыть замок,
Перейден за грань болевой порог,
Нет пути назад – только путь вперед.
На восход.

«Листопадом рассыпалась осень...»

Листопадом рассыпалась осень,
Рыжей птицей торопится вниз.
Замки старые бурею сносит,
Если ветер поднялся – держись!

Я люблю тебя осень-загадка,
Твою мглу, твое солнце, твой дождь,
Эти листья в сплошном беспорядке,
Этот холод, бросающий в дрожь.

Я смотрю на тебя сквозь зеркальность
Оживленной прозрачности луж,
Мне чужда старой скрипки печальность
И неведома будняя чушь.

Эта осень – лекарство от лести,
От восторженной радуги фраз,
Бродят в сердце крылатые песни,
И горящего солнца топаз.

Гроза

Искусственно-стерильное,
Ты слышишь страшный глас:
«Течение слишком сильное,
Оно поглотит вас!»

Пройден этап крещения
Водю и огнем,
Идея всепрощения
Убита хищным днем.

Бесплодное-субтильное,
В разрезе жженных глаз,
«Течение слишком сильное,
Оно поглотит вас!»

В штампованных движениях
Беспомощный рывок,
В руках умалишения
Сочащийся кусок.

Бездушное-дебильное,
«Построиться! – приказ. —
Течение слишком сильное,
Оно поглотит вас!»

Закрытыя, зашытыя,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.